

ан бодолдо, сэдхэлэй шанарта ямар нүлөө үзүүлнэб гэжэ зохёолнууд соогоо харуулна.

Сагай эрилтээр ерэхэн хубилалтанууд хүн зондо, тэдэнэй хүгжэлтэдэ ямар онсо шинжэ оруулнааб гэжэ философско гүн ухаанай удхатайгаар шүлэгүүдээ зохёено. Үеhee үедэ дамжкан ерэхэн түрэл хэлзээ, уран зохеолоо, ёшо заншалаа, монгол хүнэй шэн зориг, алдартыа ябадал, «би монгол хүн!» гэхэн омогорхожо ябаха мэдэрэл алдангүй саашань дамжуулха тухай поэт «Аялгата найхан буряад хэлэмни», «Юнэн сагаан тут», «Монголий нюуса тобшоон», «Монгол туургатанда эльгээх үшэл», «Буряад-монгол орон», «Байгал далай» г.м. шүлэгүүд соогоо харуулна.

Хүхэ тэнгэрийээ заяатай,
Эзэн Чингэсэй омогтой,
Эзэрхэг хара үүлдэтэй,
Батаа эдир золтой,
Баатар мэргэн солотой
Буряад монгол орон! – гэжэ ехэ эршэмтэйгээр бэшэнэ.

Саашань хэлэбэл, ажабайдалай урасхалай ябадалгүнзэгы философско шанартайгаар удхалан шүлэгүүдээ зохёоходоо, Буддын нургаалые үндэхэлж бэшэнэ. Жэшээлбэл, «Наранай мандахые хүлеэжэ зогсоодоо», «Ехэ урасхал», «Шэмхэ шорой», «Үхэр тэрэг», «Нохор заяан», «Уужа ябанаб» г.м. болоно. Зоболон, үхэл, амидын тана, гуниг, гашуудал – энэ дэлхэйн хуули ёшо гэжэ поэт мэдэрнэ. Арадай аман зохеол үндэхэлж бэшэнэн хоер муртгэй шүлэг согоо иигэжэ бэшэнэ:

Үберэй хүмтэй шүлэгэймни дэбтэртэ оршолон багтадаг,
Үрэ нимгэн найрагшын сэдхэлдэ зоболон багтадаг.

Бүхэ дэлхэйн литературада үе сагай ябадал, хүнэй наанай ошолго тэрэг шэрээд ябаян үхэртэй холбож бэшэх уран зохёолой заншал бии. Эндэ Пушкиные, бэшэшье ондоо уран зохёолшодые дурдамаар. Энэ унтаршагүй темэдэ зориулжа, Батхуу «Үхэр тэрэг» гэжэ шүлэг бэшэнэнийн ехэ удхатай, өөрын, авторай харасатай болоо гэжэ наанананаб.

Поэдэй лирическ герой өөр тухайгаа, арад зон, үе саг тухайгаа, найдал, инаг дуран, гомдол, баяр, эхэнэр, эхэ, аба тухайгаа ехэ гүнзэггээр, уншагшадай сэдхэлэй уярмаар бэшэжэ шадаа. «Амаргни хоюулаа алимаа хубаая», «Үйлажа ябанаб», «Тунглаг оршлон», «Хайрын Диваажан», «Аба эжы хоерни», «Алтаргана» г.м. гэжэ зохёолнууд болоно.

Болдын (Хэнтэйн) Батхуу үнэн зүрхэнхөөн энэ хэблэлнээ гаранан шэнэ номооронь амаршалаад, саашанхи ажалдань амжалта, сагаан далита хүлэгэй – жэгүүргэ Пегасай эзэн боложо, ехэ олон шулэг, дуу

бэшэжэ, нэн саашадаа поэмэ зохёожо, буряад-монгол арадай сэдхэлдэ зула бадараан, уран зохёолой алтан жасадаа өөрын онсо нуури эзэлнэн шулэгшэн, арадай зохёоллоо болохыень хүсэе!

Голованева Т.А., Новосибирск

Система персонажей в вариантах сюжета о подмене истинной жены соперницей в коряцком и ительменском фольклоре

Коряки и ительмены входят в состав аборигенных народов Камчатки. Но культуры этих народов не являются тождественными: разные языки, разная основа ведения хозяйства. Фольклор береговых коряков, кочевых коряков и ительменов целесообразно рассматривать дифференцированно, так как каждая из этих повествовательных систем имеет свою специфику. Однако в данной статье мы обращаемся к такому фольклорному сюжету, который оказался востребованным и в коряцкой, и в ительменской культуре.

В традиционных повествовательных культурах коряков и ительменов сюжет о подмене истинной жены соперницей достаточно популярен, о чем свидетельствует 12 зафиксированных вариантов (сведения о текстах приведены в конце статьи в таблице 5). Эти тексты сильно отличаются друг от друга, но во всех рассматриваемых вариантах имеются следующие узловые элементы развития сюжета:

1. Истинная (настоящая) жена героя подвергается нападению со стороны соперницы.
2. Соперница, снимает одежду с жены героя и, надев эту одежду на себя, притворяется женой.
3. Герой живет с ложной женой.
4. Истинная жена снова становится женой героя.
5. Соперницу изгоняют из дома героя.

Пять узловых элементов развертывания сюжетного действия в каждом отдельном случае обрастают специфическими деталями и эпизодами.

Во всех вариантах наблюдается единство образной системы. Развитие сюжетного действия сопряжено с действиями трех постоянных героев: муж / жена / соперница, факультативным героям является ребенок. Все герои выполняют определенную функцию в развитии сюжета. Эти функции являются константными для всех вариантов.

Вариативность текста отчасти проявляется в специфике персонажного состава. Персонаж представляет собой конкретное действующее лицо, воплощение условной роли в конкретном тексте. Персонаж, как правило, имеет определенное имя и даже некоторые индивидуальные черты, которые в этнической повествовательной традиции могут быть свойственны только этому персонажу. В таблице 1 представлены данные, характеризующие систему персонажей в вариантах рассматриваемого сюжета.

Таблица 1

Система персонажей в вариантах сюжета о подмене истинной жены соперницей

Роль персонажа в развитии сюжета			№ вар.
Муж	Жена	Соперница	
Эмэм-кут ¹⁸	Марокль=навт 'черемша=женщина'	Каманх=навт 'тритон=женщина'	I, II
Эмэм-кут	Калы=марох=лянав 'узор=черемша= девушка'	Камынгы=навыт 'тритон=женщина'	V
Эмэм-кут	Нэв=рыты=тиниа= нэвыт 'княженика {женщина=морошка} Тиниа=женщина'	Камынгы=навыт 'тритон=женщина'	IV
Титкымсыын	Рытты=тиниа=навыт 'морошка=Тиниа=женщина'	Сасуса=навыт 'лиса=женщина'	VI
Амам-кут	Ирирвэ 'Травинка'	Камынгы=тык 'тритон=женщина'	IX, X
Амам-кут	Ирирвэ 'Травинка'	Атту=навыт 'атту (народность)=женщина'	VIII
Эмэм-кут	Выай 'Трава'	Чатчура=навут 'лиса=женщина'	III
Куткын-няку	Мити	Ытты=навыт 'собака=женщина'	VII
мужчина	женщина (без имени)	женщина (без имени)	XI

Сопоставление системы персонажей в имеющихся вариантах позволяет увидеть, что в реальных текстах система персонажей подвижна. Наиболее стабильной в своем персонажном проявлении является роль мужа.

В роли мужа в большинстве вариантов (8 из 12) фигурирует Эмэм-кут (*Амамкут*), что связано с его доминирующей ролью *жениха // мужа* в корякской и ительменской фольклорных традициях. Однако даже относительно этого персонажа наблюдается возможность замены. В одном из вариантов в роли мужа фигурирует Титкымсыын – персонаж, который в сказках упоминается исключительно редко, несопоставимо реже, чем Эмэмкут (*Амамкут*). Интересно, что этот вариант [VI] записан в с. Вывенка. В других вариантах [IX, X], записанных в этом же селе, роль мужа исполняет Амамкут.

Принципиально важно, что во всех 12 вариантах муж – человек. В этом аспекте образ мужа противопоставлен образам *истинной жены и соперницы*.

С точки зрения возможности персонажных замен роль *жены* является более подвижной, нежели роль *мужа*. Легко заметить, что в роли жены фигурирует персонаж в большей или меньшей степени фитоморфный (таблица 2). В рамках этого фитоморфизма проявляется вариативность. В образе жены фигурируют *черемша-женщина, трава-женщина, княженика-женщина, морошка-женщина*. Даже в варианте, записанном в с. Тигиль [вариант XI], который, скорее, строится как мифологический рассказ с ориентацией на правдоподобное, реалистичное воспроизведение ситуации, в образе жены сохранились отголоски фитоморфизма.

Таблица 2
Особенности проявления фитоморфизма
в образе истинной жены

Варианты	Проявление фитоморфизма	Указание на фитоморфную природу персонажа
I, II, V	Черемша-женщина появляется из пучка сорванной черемши	Прямое
IV, XII, XI	Когда Княженика=Тинианеут говорит, у нее изо рта падают ягоды. Этими ягодами наполняются все миски	Прямое
VI	Мити рожает Морошку=Тинианеут после того, как по велению Куткынняку съедает котелок морошки	Косвенное сильное

¹⁸ Жирным шрифтом выделены те имена, которые являются для данного сюжета наиболее устойчивыми.

I, II, III, IV, V, IX, X, XII	Покинутая жена (<i>Трава=женщина, Княжника=Тинианеут</i>), оставшись одна (или с маленьким ребенком) в тундре, делает из травы одежду, постель, жилище	Косвенное слабое ¹⁹
I, II, III, IV, V, VI, VII, IX, X, XII	Имя персонажа	Косвенное слабое ²⁰

Среди возможных персонажных воплощений роли *настоящей жены* есть персонаж, который не связан с фитоморфизмом. В варианте VII (с. Белоголовое) в роли жены фигурирует Мити. Этот персонаж является обязательным элементом пары: муж-Куткынняку – жена-Мити.

Фитоморфизм образа *настоящей жены* уже не является определяющим для развития сюжетного действия, однако само возникновение, генезис этого сюжета опирается на противопоставление фитоморфного и зооморфного. Отголоски фитоморфизма устойчиво проявляются в образе *настоящей жены*, а отголоски зооморфизма в образе *соперницы*.

Вариант сюжета о подмене истинной жены соперницей, записанный в с. Тигиль от Правдошиной Людмилы Егоровны [ХI], в жанровом плане представляет собой явление совершенно особенное. Сюжет мифологической сказки о борьбе зооморфного и фитоморфного начал переосмысливается и предстаёт как психологическая драма: муж, жена и соперница. Сказочные условия, усиливающие эффект зрелищности повествования, в этом тексте уступают место психологически достоверным деталям. Сказочные герои заменяются реалистичными фигурами мужчины и женщины. Мишенический образ соперницы Тритонихи предстаёт как образ очень завистливой, недобой женщины: *Очень хорошо (муж с женой) жили. Когда увидела из другого места женщина (противная), плохая женщина была. Очень сильно мужа женщины хотела отнять* [ХI]. Показательно, что фитоморфная природа истинной жены героя проявляется и в этом тексте, ориентированном на реалистичное изображение психологических взаимоотношений героев. Сама рассказчица как будто ощущает диссонанс

¹⁹ Теоретически можно допустить, что человек плетет из травы одежду, одеяла и пр., тем более что практика плетения из травы существовала у ительменов и береговых коряков.

²⁰ Имя персонажа трактуем как косвенное слабое указание на исторические источники фольклорного образа.

между сказочной условностью и стремлением к реалистичности повествования: *Женщину она уж чем-то ударила и в мешок засунула. <...> – Надо отнести в лес, там брось, пусть замёрзнет. <...> Когда ехали (отец с сыном), снег уже таял. Очень хорошо женщина растаяла. И где она растаяла, там много княженики выросло. Сразу этот мальчик сказал: «Вот же наша мама: изо рта у неё княженички выросли!». Отец сразу: «Хватит ерунду болтать»* [ХI]. Моделируемый диалог двух героев представляет собой диалог двух типов сознания: мифологического и рационального, при этом мифологическое легко допускает и фитоморфность, и зооморфность героя, а рациональное, напротив, отрицает.

Наиболее подвижной, открытой для персонажных замен является роль *соперницы*. Помимо доминирующей в этой роли *тритон-женщины* (возможен перевод ящерица-женщина, лягушка-женщина), в роли соперницы фигурируют *лиса-женщина, собака-женщина* и *атту(мифологическая народность)-женщина*. Зооморфизм персонажа не всегда проявляется отчетливо, что отражено в таблице 3. Степень зооморфизма, так же как и степень фитоморфизма, варьируется от текста к тексту и, по-видимому, в большей степени обусловлена не столько локальной традицией, сколько чем-то другим.

Таблица 3
Особенности проявления зооморфизма в образе *соперницы*

№ вар.	Проявление зооморфизма	Указание на зооморфную природу персонажа
II	<i>Тритон-женщина живет у болота и возвращается в болото после того, как раскрывается обман и она изгоняется из дома героя</i>	Прямое
IX	<i>После обнаружения подмены Тритон-женщину разрезают на кусочки и относят в тундре. (По коряцкому поверью для того, чтобы тритон не принес в дом беду, его надо изловить и изрубить на мелкие кусочки)</i>	Прямое
VI	<i>После раскрытия подмены муж обнаруживает, что ложная жена (Лиса-женщина) хвостатая</i>	Прямое
VII	<i>Кожа Собаки-женщины колется, а под косами – собачьи уши</i>	Прямое

Таблица 4

XII	В начале текста <i>Тритон-женщина</i> не подходит, а подползает	Косвенное сильное ²¹
II	В сказке несколько раз указывается на то, что кожа у <i>Тритон-Женщины</i> – черная	Косвенное слабое ²²
III	После обнаружения подмены <i>Лиса-женщина</i> убегает в тундру	Косвенное слабое ²³
I, II, III, IV, V, VI, VII, IX, X, XI, XII	Имя персонажа	Косвенное слабое

Зооморфизм в образе *соперницы* проявляется с большей степенью вариативности и с меньшей последовательностью, нежели фитоморфизм в образе *настоящей жены*. Это объясняется тем, что роли *соперницы* в сюжете соответствует функция *вредителя*. Персонажное воплощение *вредителя* в корякском фольклоре чрезвычайно разнообразно. Такое разнообразие и обуславливает возможность модификации ряда персонажных замен роли *соперницы* в сюжете о подмене истинной жены. Исторически в этом сюжете образ *тритон-женщины* в роли соперницы все же первичен, о чем свидетельствует доминирование именно этого персонажа в однородном ряду персонажных замен.

Зооморфная природа соперницы в большинстве вариантов максимально проявляется в финальном эпизоде сказки. Это логически объяснимо: после обнаружения подмены соперница предстаёт как нечто чужеродное истинной семье. Показать, отчётиливо выделить эту чужеродность возможно посредством изображения зооморфных черт персонажа. Расправа над соперницей должна навсегда утвердить благополучие в семье. Интересно, что этот финальный эпизод сильно варьируется от текста к тексту. В некоторых вариантах [I, II, VII] расправа предполагает воздействие огнём, что связано с верой аборигенов Камчатки в охранительную силу огня, но есть другие способы расправы.

В таблице 4 приведены фрагменты текстов, иллюстрирующие, с одной стороны, возможную вариативность узлового эпизода сказки, а с другой, – способы актуализации зооморфной природы персонажа (*соперницы*) в тексте сказки.

²¹ Сложно допустить, что человек подползает на животе.

²² Можно допустить, что у человека кожа очень смуглая, почти черная.

²³ Можно допустить, что персонаж-человек после раскрытия обмана убегает в тундру.

Варианты финального узлового эпизода сказки о подмене истинной жены соперницей Герой и его истинная жена после раскрытия обмана изгоняют из дома соперницу	
№ вар.	Цитата из текста (в переводе на русский язык)
I	<p>Эмэмкут нагрел на огне каменную миску, миска как огонь красная стала. <i>Тритон-женщина</i> застонала:</p> <p>– Ой, ой, больше терпеть не могу, хочу на двор!</p> <p>Эмэмкут рассердился, схватил <i>Тритон-женщину</i>, потащил на кухню, посадил её в горячую каменную миску. Потом выбросил её во двор. Всю её толкнувшей* облепило. Так и пошла она к своей бабке.</p>
II	<p>Эмэмкут послал за сковородой, раскалил её. Раздел <i>Тритон-женщину</i> догола, толкнул её, посадил на горячую сковороду и вышел во двор изжарить жирного мяса.</p> <p>Все были рады. Стали, есть, пить, гулять и спать легли. А <i>Тритон-женщина</i> на сковороде изжарилась.</p>
III	<p>Тогда <i>Лиса-женщина</i>:</p> <p>– Хорошо! – костным мозгом кормили меня и языками и всем прочим. Хорошо! Так долго обо мне заботились!</p> <p>И тотчас убежала в тундру.</p>
IV	<p>Ноги <i>Тритон-женщины</i> у щиколоток прдырявили. Связали ремнём, К нарте привязали. Оленей погнали. Быстрые олени. Потащили. Куски мяса – в разные стороны.</p>
V	<p>А Эмэмкут тем временем расправился с <i>Тритон-женщиной</i>: выбрил ей голову до самых костей, привязал к палке и бросил в южную сторону. И упала она прямо в болото у жилища своей матери.</p>
VI	<p>Титкымсысын пришёл домой, <i>Лиса-женщина</i> есть из котелка. Только теперь увидел, оказывается она хвостатая. Взял её за хвост, стал вбивать о столб. То, что отрывается: голова, ноги, – всё на улицу отлетает, только хвост остался, на улицу выкинул его.</p>
VII	<p>Тут Собака-женщина:</p> <p>– Это чью такую голую в дом ввёл?</p> <p>Сразу Мити и Куйкынняку бросились к ней.</p> <p>Ну тут уж: – Ох!</p> <p>Сразу Мити набросилась на неё и разорвала. Сразу в огонь очага бросила.</p>
VIII	Рассказчица не завершила сюжетную линию.

IX	<i>Взяла Ирирвиэ Тритон-женину, разорвала на части: — Приносящее несчастье тритониха, живёшь в моей постели! Выбросила на улицу. Выбросила. Всех тритончиков разрезала, и порвала на мелкие куски. Выбросила. <...> Сисистын встретил валяющуюся тритониху: «Плохо, что здесь валяется, я её отнесу в тундру». В тундру отнёс. Выбросил.</i>
X	<i>Бросил Амамкут Тритон-женину. Взял сына и Ирирвиэ.</i>
XI	<i>— Ты что давно сделала с моей женой? Ты не моя жена, встань сейчас же! Встала. Прогнал женщины плохую.</i>
XII	<i>Те олени, которым не пользовались, тех оленей взяли. Эмэмкутыклен привязал. У Тритон-женщины щиколотки продырявили. Привязали к оленям. И погнали туда, где живёт мать Ящерицы. Там её бросили.</i>

* Толкуша – национальное блюдо, представляющее собой толчённую смесь из ягод и жира.

Сопоставление вариантов финального эпизода позволяет предполагать, что в процессе складывания сюжета рассказчики выбирали для своего повествования тот вариант расправы над враждебным зооморфным существом, который в данной локальной традиции признался наиболее сильным охранительным средством. При этом отчётливо выявляются два способа защиты: защита огнём [варианты I, II, VII] и разрывание тела соперницы на части [варианты IV, VI, VII, IX, XII]. Разрывание тела на части непосредственно связано с бытующими представлениями коряков о способе защиты от несчастий, вызванных встречей с тритоном. Как объясняла нам Александра Алексеевна Симонова (дев. Кергыльхот, уроженка с. Ветвей, 1951 г.р.), если встретить тритона, то произойдёт большое несчастье в семье. Чтобы избежать беды, надо тритона поймать и изрубить на мелкие части.

Помимо расправ непосредственно связанных с зооморфной природой персонажа, есть варианты, в которых расправа нивелируется [III, X, XI].

Первоначально значимые для развития сюжета проявления фитоморфизма *настоящей* жены и зооморфизма *соперницы* со временем ослабевают, что сопряжено с одновременным усилением антропоморфных черт персонажей. В некоторых вариантах отголоски зооморфизма остаются только в имени персонажа варианты [I, IV, X, XI].

На начальных этапах возникновения сюжет о подмене истинной жены соперницей строился на противопоставлении фито-, зоо- и антропоморфных фольклорных образов, но на каком-то этапе развития повествовательной традиции более важным становится психологиче-

ское наполнение сюжета. Тема соперницы из фито- и зооморфизма переходит в область человеческих отношений, что в отдельных случаях даже служит основанием для изменения жанра текста. Вариант XI строится как реалистичное повествование о разрушении семьи. Психологический аспект является значимым и в других вариантах.

По мере изменений в религиозной, социальной и бытовой жизни этноса меняется этническая повествовательная традиция. В частности, зоо- и фитоморфизм мифологических персонажей служит основой для изображения психологии персонажей, появившихся на базе древнейших образов.

Таблица 5

Варианты сюжета о подмене истинной жены соперницей

№ вар.	Сведения о фольклорных текстах, использованных в статье
I	Меновщиков 1974, т. 185: Сведений о рассказчике нет. Записал В.И. Иохельсон в 1910 – 1911 гг. в р-не с. Хайрузово. Перевёл с ительменского А.П. Володин.
II	Меновщиков 1974, т. 186; Орлова 1999, с. 131–134: Рассказал А.М.Шадрин, биографических данных о рассказчике нет. Записала Е.П. Орлова в 1926 г. в с. Хайрузово. Перевела с ительменского Е.П. Орлова.
III	Стебницкий 1938, с. 36–41: Рассказала Н. Безуглова, биографических данных о рассказчице нет. Записал С.Н. Стебницкий в 1928 г. в с. Кичига. Перевёл с корякского С.Н. Стебницкий.
IV	Жукова 1980, т.14: Рассказала А.К. Яганова (уроженка с. Кахтана). Записала А.Н.Жукова в 1966 г. в с. Палана. Перевела с алutorского А.Н. Жукова.
V	Малюкович 2001, с. 91–103: Сведений о рассказчике нет. Записал В.Н. Малюкович в 1960 – 1970-е гг., место записи не указано.
VI	Кибrik и др. 2000, т. 7: Рассказала А.И. Киюк, биографических данных о рассказчике нет. Записал А.Е. Кибrik в 1972 г. в с. Вывенка. Перевёл с алаторского А.Е. Кибирин.
VII	Жукова 1988, т.17: Рассказал Г.Н. Кэчынка (уроженец с. Белоголовое, 1939 г.р.). Записала А.Н. Жукова в 1970-е гг., место записи не указано. Перевела с корякского А.Н. Жукова.

VIII	Мальцева, архив, т. 86: Рассказала Н.Г. Чечулина (уроженка с. Анапка, 1918 г.р.). Записала А.А. Мальцева в 1992 г. в п.Оссора. Перевела с алтюторского А.А. Мальцева при участии А.И. Поповой.
IX	Мальцева, архив, т. 20: Рассказала Д.А. Мулинаут (уроженка с. Вывенка, 1918 г.р.). Записала А.А. Мальцева в 2004 г. в с. Вывенка. Перевела с алтюторского А.А. Мальцева при участии А.И. Поповой
X	Мальцева, архив, т. 36: Рассказала А.Е. Мулитка (уроженка с. Вывенка, 1926 г.р.). Записала А.А. Мальцева в 2004 г. в с. Вывенка. Перевела с алтюторского А.А. Мальцева при участии А.Е. Мулитки.
XI	Успенская 2004, с.58–67: Рассказала Л.Е. Правдошина (дев. Беккерова, уроженка с. Седанка Оседлая, 1938 г.р.). Записали В.И. Успенская и Т.А. Голованева в 2004 г. в с. Тигиль. Перевела с ительменского В.И. Успенская.
XII	Мальцева, архив, т. 120: Рассказала В.К. Белоусова (уроженка с. Лесная, 1930 г.р.). Записала А.А. Мальцева в 2006 г. в с.Лесная. Перевела с алтюторского А.А. Мальцева при участии Е.Г. Ягановой.

Условные сокращения:

- Жукова 1980** Жукова А. Н. Язык паланских коряков. – Л., 1980. – 288 с.
- Жукова 1988** Жукова А. Н. Материалы и исследования по корякскому языку. – Л., 1988. – 198 с.
- Кибрик и др. 2000** Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А. Язык и фольклор алтюторцев. – М.: ИМЛИ РАН, 2000. – 468 с.
- Мальцева, архив** Экспедиционные записи А. А. Мальцевой 1992 – 2006 гг.
- Малюкович 2001** Малюкович В. Н. Куткынняку. Сказки и мифы карагинских, апукинских, алтюторских, анапкинских коряков. – Петропавловск-Камчатский, 2001. – 184 с.
- Меновщикова 1974** Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки / Сост., предисл. и прим. Г. М. Меновщикова. – М., 1974. – 646 с.

- Орлова 1999** Орлова Е.П. Ительмены. Историко-этнографический очерк. – СПб.: Наука, 1999. – 220 с.
- Стебницкий 1938** Нымыланские (корякские) сказки. Лымныло / Сост. С. Н. Стебницкого. – Л., 1938 – 140 с.
- Успенская 2004** Успенская В.И., Голованева Т.А. Ительменский фольклор. Ительменская разговорная речь. – Петропавловск-Камчатский, 2004. – 147 с.

Данилова А.Н., Якутск

Отражение женского шаманства в якутском героическом эпосе олонхо²⁴

У народов Сибири считается, что женское шаманство играло преобладающую роль на ранней стадии развития, в период господства материнского рода. Статус женщины-шаманки в культуре якутского народа был достаточно высок. Об этом свидетельствуют имеющиеся сюжеты в фольклоре о женщинах шаманках, выступающих героинями, а также главными помощницами положительного героя. Впрочем, таковые есть и у отрицательного героя. Исследуя мировую мифологию можно удостовериться, что в период создания мифов женщина занимала почетное место в социуме. Это проявилось в многочисленных женских культурах: «Великой Матери», «Матери богов», прародительницы кланов, племен, которая почтилась почти у всех народов со временем матриархата. В якутской мифологии женские божества Айысыт и Иэйиэхсит также занимают немаловажное место в пантеоне божеств. Они имели высокое положение и были весьма почитаемы.

В текстах олонхо описываются множество персонажей. Среди них шаманки занимают значительное место. В связи с этим учены-исследователи не раз обращались к этой теме. В якутской фольклористике исследователи фольклора Г.У. Эргис [1], И.В. Пухов [2] рассмотрели образы женщин шаманок. Ими была выдвинута гипотеза о том, что образы женщин шаманок в эпосе восходят к матриархату. Исследователь образов якутских олонхо И.В. Пухов отметил, что «шаманство» многих героинь следует связывать со стремлением объяснить в период патриархата необыкновенную активность и богатырство героинь олонхо; это архаическая черта олонхо, восходящая, возможно, к временам матриархата [Там же, с. 133].

²⁴ Статья написана при поддержке гранта РГНФ № 13-14-14001